

Г. Меттан

НОВЫЙ ЗАПАДНЫЙ ЯЗЫК ПРЕВРАЩАЕТ ЛЮБОЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАЗГОВОР ГЛУХИХ

Мы часто говорим о силе слов, но гораздо меньше — о словах силы. Слова силы стремятся использовать силу слов. Это вполне невинные либо выглядящие невинными слова, поэтому важно идентифицировать их и признать их суть: это средства завоевания и господства, инструменты сдерживания людей и их мыслей, формирования согласия граждан с нежелательной для них моралью и политикой. Так что вести любой диалог культур становится практически невозможно.

Известные авторы расшифровали язык тирании и открыли его источники.

Во время Второй мировой войны Виктор Клемперер, профессор-филолог еврейской национальности, который женился на «арийке» и чудом пережил нацизм, собрал основные слова и фразы нацистского языка, используемые в повседневной жизни. Он внимательно наблюдал за подъемом нацизма в 1930-х годах, затем за его триумфом и, наконец, падением. Он отлично продемонстрировал, как переосмысление слов немецкого языка партией Гитлера и Геббельса значительно облегчило захват власти и поддержание нацистской диктатуры. В замечательной работе «Язык Третьего рейха» (*Lingua Tertii Imperii*), он рассказывает, как это умышленное извращение языка привело немцев к почти абсолютному подчинению нацистской партии. Неслучайно Геббельс писал в своем дневнике: «Мы не хотим убеждать людей в наших идеях. Мы хотим сократить словарный запас таким образом, чтобы он мог выражать только наши идеи».

Джордж Оруэлл осудил язык сталинской диктатуры. В своем романе «1984», опубликованном в 1949 году, он описал установление тоталитарного режима, который навязывает новую идеологию, Ангсоц, или английский социализм, и новый язык, новояз, в котором создаются и исчезают слова в соответствии с потребностями Большого брата. Полиция мысли, вдохновленная практиками гестапо и НКВД, которая сегодня была бы похожа на религиозную

полицию исламских режимов, цензура, использующая алгоритмы GAFAM, и массовая слежка АНБ обеспечивают распространение идеологии и языковой контроль, отслеживая самые мелкие поступки, каждый жест и подозрительное слово, с дьявольской точностью предугадывая намерения граждан.

Обладавший прекрасной интуицией, Оруэлл описывал события так, как будто они происходят в 1984 году. Это было очевидно, потому что начало 1980-х годов совпадает с захватом экономики акционерами компаний и представителями влиятельных финансовых кругов, а также с распространением идеологии неолиберализма, которая сегодня стала «глобалитарной» (глобальной и тоталитарной одновременно) благодаря обобщению фразеологии, навязанной во всех сферах социальной и экономической жизни. Именно тогда начался еще один «бизнес» по разрушению слов и порабощению языка, который называется политкорректностью. Первые признаки этой всеобщей мистификации — изменение словарного запаса и значения слов, создание нового, экономически и политически корректного языка, который мы используем, в то же время являясь его жертвами.

Но Оруэлл ошибся в определении «виновника». Вопреки тому, что он думал, воля к господству над умами в конце XX века проистекала не из английской социалистической диктатуры, а из рыночного тоталитаризма, ненасытного стремления к власти неолиберального капитализма и тирании расовых и сексуальных меньшинств, которые стремятся навязать свой способ мышления всему обществу.

Двойная матрица: технократическая и эмоциональная

Новый доминирующий язык является результатом влияний этих двух составляющих. Поэтому у него двойная матрица. Со стороны отца (читайте «родитель 1») она демонстрирует всемогущество технократии, менеджмента и рыночной экономики. Со стороны матери («родитель 2») это реакция на эмоциональное и социальное упрощение иерархической структуры, из-за которого меньшинства — феминистские, ЛГБТ- и антирасистские движения и

все организации этого согласованного гражданского общества, гуманитарные и правозащитные НПО, активисты и межсекторальные исследователи — чувствуют, что они вынуждены занимать подчиненное положение в том же неолиберальном обществе. Новый язык на Западе — это «внебрачный ребенок» крайнего технократического ультралиберализма и ресентимента жертвы. Это двойное происхождение является первой характеристикой того, что, за неимением более подходящего термина, я называю «мягким языком» (Softongue). Мягкий язык — «демократический» продукт в том смысле, что это не результат творения одной партии, всемогущего диктатора или всесильной полиции. Он просто создавался день за днем двумя внешне противоположными, но на самом деле соучаствующими силами, доминирующими в социальной сфере.

На языке вчерашнего дня мы бы говорили о правых и левых. Но теперь все не так просто, потому что из-за разделения на консервативных и прогрессивных это различие размывается. На самом деле имеется как консервативное правое крыло, которое боится и борется с социальными инновациями и выражающим их языком, так и левое консервативное крыло, отстаивающее сохранение старых структур социальной защиты и государственной службы, которые неокapиталисты также стремятся разрушить. Точно так же в обоих лагерях имеются свои сторонники прогресса. Неолиберальный капитализм в экономике поддерживается самыми консервативными, если не самыми реакционными, представителями политического спектра, от многотысячной армии сторонников Дональда Трампа до всех правых популистов в Европе и Латинской Америке. Более того, неолиберальные правые тоже не имеют ничего против притязаний гендерных и расовых меньшинств. Если это отвечает их интересам, то они знают, как быть в авангарде. Социальные инновации устраивают их до тех пор, пока они предлагают экономические возможности. Каждая новая социальная ниша — это потенциальная бизнес-ниша, будь то продажа кремов для чернокожих женщин или управление клубом трансгендеров...

Что касается прогрессивных, феминистских, ЛГБТ и расистских «левых» движений, то они в своей социальной борьбе намного опередили борьбу против эксцессов капитализма. Идеи помощи обездоленным классам сейчас далеко не так популярны, как защита меньшинств, особенно когда эти классы критически относятся к социальным инновациям, как мы видели во время протестов «желтых жилетов» во Франции. По общему признанию, иногда между двумя фракциями случаются стычки на почве конкуренции, жестокие конфликты, борьба за территорию, как еще недавно между демократами и республиканцами в Соединенных Штатах. Но, придя к власти, обе группы проводят одну и ту же политику, благоприятную для сверхбогатых, и применяют одни и те же принципы «управления». По сути, между двумя группами происходит скорее конвергенция, согласование интересов и сотрудничество, чем непримиримое противостояние. Акценты меняются, но язык доминирования остается прежним. Новый выхолощенный «деревянный» язык — мягкий язык — плод этого двойного «послушания». Это продукт дуополии, а не монополии, двухпартийной системы, а не однопартийной. Он может представлять собой «брак по расчету», который весьма прочен, и кризисы, даже такие сенсационные, как стихийный захват Капитолия в январе 2021 года, не пошатнут его устойчивость.

Чтобы убедиться в этом, надо лишь более внимательно присмотреться. Имеется ли реальное расхождение между лозунгом Дональда Трампа «Сделать Америку снова великой» и лозунгом Джо Байдена «Восстановить американское лидерство»? Так ли сильно различаются побежденный миллиардер Дональд Трамп и победивший миллиардер Джо Байден, привлекший 1,5 млрд долларов от крупного бизнеса на свою предвыборную кампанию? Разве оба они не пользуются кошельками самых богатых соотечественников, чтобы прийти к власти и удержать ее? Разногласия между кандидатами от двух партий становятся более острыми, когда они касаются не существенных вопросов, а второстепенных.

То же можно сказать о европейских демократических странах. Во Франции, например, нам нравилось подчеркивать противостояние между Николя Саркози и Франсуа Олландом. Но разве оба они не правили, заявляя об одном и том же неолиберализме, одном и том же атлантизме и одном и том же европеизме, пока третий шулер, Эммануэль Макрон, не отправил их доучиваться, разыграв те же карты в другом порядке? В зависимости от их интересов и силовых полей, которые их пересекают, одни будут сосредоточены на экономике, другие — на социализме. Одни будут опираться на бережливого потребителя, другие — отстаивать право самых крикливых меньшинств на то, чтобы отличаться от других. Но два лагеря будут «пестовать» одних и тех же людей, спешащих заявить перед лицом всего мира о своей уникальности и исключительности, и бесстыдно делить бенефиты, предоставляемые властью.

Мягкий язык, царство замалчивания

Вторая характеристика мягкого языка, за которую он получил свое название, — его «приятность». Как его принципы, так и практика основаны на замалчивании и перифразах. Он действует так же, как пищевая промышленность: везде добавляет сахар. В отличие от новояза и языка диктатур, мягкий язык стремится не столько усилить эффект слов, сколько смягчить, сгладить впечатление. Нацистский язык наэлектризовывал слова, гальванизировал их, одурманивал, раскалял добела. Смыслы слов «Volk» (народ), немецкий народ, прилагательное «*völkisch*» (народный) были доведены до крайности. Или, наоборот, язык унижал, оскорблял людей. Слово «еврейский» считалось хуже слова «свинья». Язык заставлял слова взлетать и опускаться до крайних точек, до небесных вершин и адовой бездны. Язык сталинской пропаганды действовал так же: он восхвалял рабочего, классовую борьбу, диктатуру пролетариата и клеймил кулаков и буржуазию. Мягкий язык действует противоположным образом. Он подслащивает, затушевывает, смягчает, ослабляет — до тех пор, пока не сотрется весь рельеф, грубость,

материальность, чтобы увести носителей языка в нереальный мир, отрезанный от корней, от всей истории, эмоциональных и братских привязанностей.

В неолиберальном управленческом языке все больше употребляются эвфемизмы и всевозможный «позитив». Экономически корректный язык экономистов и менеджеров выхолащивается, чтобы сгладить восприятие пагубных последствий их теорий. Мы должны любой ценой избегать называть вещи своими именами и связывать следствия с причинами. Конструктивность прежде всего. Посмотрите на слово «потенциал», подаваемое под разными соусами. Прощание с надеждой, ожидания, способности, талант, смелость, пригодность, подарок, обещание, благоприятные обстоятельства — да здравствует потенциал! Аналогичным образом трансформировался смысл таких выражений, как, например, «взносы в социальные фонды» со стороны работодателей, в которых слово «социальные» ассоциируется с дополнительными расходами, в то время как это по сути часть законной заработной платы работников.

Мы поговорим о государственном долге (чтобы заставить людей забыть о частном долге, показать пальцем на государство и отвлечь внимание общественности от тех, кто извлекает выгоду из этого долга, — банкиров и финансистов). Такие слова, как «гибкость», будут уважать, что внушает мысль о том, что адаптация — это непреходящий императив, не подлежащий обсуждению. Или, наоборот, мы будем избегать таких выражений, как «повышение цен» (это всего лишь повторная корректировка) и таких слов, как «увольнение». Временно уволенные рабочие? Вы не поверите! Это социальная программа, мера циклической корректировки, реструктуризация и, откровенно говоря, повышение производительности. Поэтому наряду с кривыми спроса и предложения студентам, изучающим менеджмент и экономику, настоятельно рекомендуется изучать хитрый жаргон своей науки, если они хотят добиться успеха на экзаменах и в карьере. Они быстро поймут, что совсем невыгодно говорить о рецессии, а не об отрицательном росте, о снижении заработной платы, а не о конкурентной девальвации, о сокращении рабочих мест, а не о

программе стимулирования, о закрытии предприятий, а не о переезде в другой регион, о социальном свертывании, а не о реформах, о рабочей силе, а не о человеческом капитале. Запретите это слово «работа», которое позорит и слишком сильно напоминает о том, что капитал одних образуется за счет пота других. Моделирование языка с помощью экономики, очевидно, идет гораздо дальше, чем эти небольшие семантические построения. Поэтому мы не удивляемся тому, что современный менеджмент адаптировал нацистские принципы управления людьми к капиталистическому предприятию, о чем свидетельствует блестящая карьера Рейнхарда Хена, теоретика нацистской организации труда, который после войны стал директором крупнейшей немецкой школы менеджмента в Бад-Гарцбурге.

Цель? Придать субъектность трудящемуся человеку, сделав его одновременно боссом (самого себя) и наемным работником (своих владельцев-акционеров). На языке, который говорит правду, вы назвали бы это рабством. На мягком языке это называется «ответственной» работой. Так, американская торговая сеть Walmart называет своих кассиров «менеджерами», а изготовители гамбургеров в MacDonald's становятся такими же «партнерами» (но не ради получения таких же дивидендов), как и совладельцы банка или партнеры крупной юридической фирмы. Что хорошего в повышении зарплаты, когда хороший семантический бонус исполняет свой трюк... Вот как управленческому языку удалось успешно применить теории советского лингвиста Николая Марра, которые процветали в Советском Союзе в 1920-х годах. Марр утверждал, что у каждого социального класса есть собственный язык, каким бы ни был родной язык его носителей, и что под просвещенным воздействием рабочего класса и диктатуры пролетариата современные общества вскоре объединят свои самобытные языки в единый язык коммунистического общества. Таким образом, неокapитализм преуспевает там, где коммунизм потерпел крах.

Менеджеры, партнеры и акционеры из всех стран, объединяйтесь, согласовывайте свои слова, объединяйте свой язык, и наступит ваше

господство! Маркс просто выбрал не тех игроков. Он верил, что революцию совершат пролетарии, в то время как ее совершают боссы. От экономической корректности — к политкорректности. Экономическая корректность стала настолько распространенной, что остается почти незамеченной, в отличие от политкорректности, которая более заметна, потому что у нее меньше приверженцев и они мыслят более разнообразно. Тем не менее в обоих видах корректности с одинаковой эффективностью применяется одна и та же стратегия эвфемизма и форма мягкого языка. Во многих отношениях при политкорректности даже больше используется замалчивание, чем при экономической корректности. Отличительной чертой политкорректности является стремление не оскорблять меньшинства лексикой, которая считается дискриминационной или унижительной. С момента ее появления в американских кампусах в начале 1980-х годов ее многочисленные «завоевания» или «злодеяния» описывались не раз. Именно благодаря ей мы получили увеличение числа слабовидящих вместо слепых, слабослышащих вместо глухих, людей с ограниченными возможностями или ограниченной подвижностью вместо инвалидов, цветных людей вместо негров, чернокожих или негрятенок, гомосексуалистов вместо педерастов, мигрантов вместо беженцев и нелегальных иммигрантов. Точно так же новая педагогика научила нас тому, что слово «карандаш» (pencil) считается «предметом для письма» и что слово «классная доска» (blackboard) должно быть запрещено, потому что может «лежать в основе схем действий, способных помешать процессу обучения» учащихся. Со своей стороны, после введения в язык ерсіene — общего рода (что позитивно) феминистские и ЛГБТ-движения с головой окунулись в инклюзивную писанину и гендерную тарабарщину.

Сначала это желание действовать и говорить «по-доброму» казалось обоснованным: в конце концов, разве современный язык не обязан постоянно приспособливаться к потребностям и чаяниям своих носителей? Но скоро все изменилось. В последнее время «искореняющие» эвфемизмы «свирепствуют», если можно осмелиться так выразиться, подхваченные волнами движения

MeToo (движение против сексуальных домогательств на работе), неофеминистскими и антирасистскими акциями, распространяющимися из Соединенных Штатов. Волны превратились в цунами. Словесная гильотина работает на полной скорости. Инклюзивная писанина со своим синтаксическим уродством (Тоu.те.Х.s) распространяется, как проказа, в учебных заведениях и прозе сторонников прогресса, оскорбляя здравый смысл, слух и этимологию. Неугомонные активисты, одержимые гендерными и антирасистскими вопросами, меньшинства, «оскорбленные» бинарным и расовым языком, выслеживают и осуждают нарушителей в социальных сетях с невероятной жестокостью и насилием, заставляя учителей и журналистов увольняться, профессоров отменять свои лекции, а драматургов подвергать цензуре свои пьесы. Дух «чистки», похоже, овладевает кампусами, школами и редакциями газет при соучастии редакторов, преподавателей и директоров по культуре, напуганных перспективой стать мишенью. Мы реанимировали и символические линчевания, и сожжение на кострах.

Совсем недавно эта страсть к замалчиванию превратилась в безжалостную цензуру. Как и любая революция, она имеет тенденцию увлекаться и скатываться к сектантству и новой форме террора. Эвфемизм распространился из лексики на статуи, музеи и названия улиц, захватывая целые области истории и культуры. Чтобы стереть несмываемое пятно рабства, в настоящее время предпринимаются усилия по искоренению библиотек и общественных мест как неотъемлемой части европейской и американской истории. Когда появилась культура отмены, «чистка» вышла из сферы слов на улицы.

Мягкий язык — это «френглиш» или «рунглиш»

Как следует из названия, мягкий язык — это «френглиш», «денглиш» или «спанглиш». Его носители — непременно открытые, космополитичные, либеральные личности, технофилы, чувствительные к «страданиям» мира, которые не могут ограничиться национальным языком. Какой родной язык?

Язык родной страны? Французский для франкоязычных? Этого уже недостаточно, это слишком сильно пахнет этническими ограничениями. Таким образом, мягкий язык характеризуется проницаемостью, пористостью, капиллярностью, почти онтологическим попустительством языку доминирующей силы — англо-американской — в технической, экономической и идеологической областях. Подчиненный, рабский язык — мягкий язык — это новый гибридный язык глобализированных высших классов, который свидетельствует об их подчинении империи и гарантирует их членство в кругу избранных чиновников глобализации.

Французская версия мягкого языка, напротив, не испытывает угрызений совести по поводу того, что позволяет колонизировать себя английскому языку. Это добровольное подчинение стандартизированному англо-американскому языку стало для культуры тем же, чем доллар является для экономики и торговли — признанием всемогущества хозяев империи, Соединенных Штатов, которых желательно всячески вдохновлять. Конечно, мы не станем отрицать, что в свое время многое перешло из французского языка в английский и что использование английского языка теперь необходимо из-за глобализации торговли. Простой язык, практичный как для деловых, так и для технических целей, английский обладает многими достоинствами. Но почему было необходимо, чтобы в дополнение к тому, что английский является языком общения по умолчанию, он без особой необходимости переходил во французский? Из-за лени и снобизма мы обращаемся с английским языком как с экзогенными видами флоры и фауны, которым мы позволяем укорениться в экосистеме в ущерб местным видам.

Обобщение английского языка как «транспортного» и его проникновение во французскую (или испанскую, или немецкую...) лексику не является тривиальным. Франц Фанон показал, что перенимать язык колонизатора — значит ставить себя в положение добровольного рабства, это значит перенимать кодексы и мышление доминирующего. Американизация языка способствует американизации нравов, экономики и политики и сопровождает ее. Запретная

тема, которая немедленно пробуждает злобу сторонников атлантизма и поклонников Соединенных Штатов. Грех антиамериканизма не заслуживает ни снисхождения, ни отпущения. И все же пришло время сделать это достоинством, потому что тенденция не снижается, а, наоборот, возрастает. Мы далеко ушли от начала XX века, когда довольствовались импортом из Америки методов производства, тейлоризма и фордизма, музыкальных постановок и немых фильмов. Очень скоро американизация была форсирована мерами политического принуждения. Вторжение быстро приняло имперский характер благодаря двум мировым войнам. Формальный шантаж был осуществлен в 1947 году, когда Соединенные Штаты навязали Европе, во-первых, привилегированный показ американских фильмов в обмен на денежные средства из Плана Маршалла, во-вторых, методы и терминологию бизнес-управления в англосаксонской манере.

Англомания усилилась в 1960–1970-х годах благодаря рок-музыке, а в 1980-х — с внедрением концепций «нового государственного управления» в государственные администрации, за которыми быстро последовали непрерывные волны лексических инноваций. Этому также содействовали новые информационные технологии, компьютеры и, наконец, цифровая революция. В 2020 году кризис Covid-19 распространил англосаксонскую болезнь на язык здравоохранения: «кластеры» размножаются с той же скоростью, что и вирус, в то время как «локдауны» продолжаются. Это экспоненциальное вторжение привело к постепенному вытеснению всех национальных языков английским, экспансию которого не смогло остановить французское культурное исключение. Французский, дипломатический язык до 1920-х годов, особенно сильно пострадал от этого, вплоть до того, что на рубеже 2000-х годов он практически исчез с международной арены. В Организации Объединенных Наций, в дипломатии и в международных организациях он больше не играет номинальной роли, как мы можем видеть каждый день в штаб-квартирах в Нью-Йорке, Вене или Женеве. В высших учебных заведениях, школах менеджмента и на факультетах естественных

наук, экономики и политики он искореняется, и в настоящее время большая часть занятий ведется на английском языке. Французский язык долгое время не использовался в научной литературе.

Квебек, Африка, некоторые острова с франкоговорящим населением все еще сопротивляются, сохраняя популярный язык, который является более привлекательным, и берут на себя труд правильно переводить английские слова, к какой бы технической области они ни относились. Но в остальных странах «дамбы» обрушились. На некоторых радиостанциях и в авторитетной прессе каждое десятое слово — из английского языка. И мы больше не можем представить себе открытие бара или проведение «мероприятия» (event) без присвоения ему английской фамилии: доступ к «дилерским центрам по продаже автомобилей» (rooftops), «наградам» (awards) и «чемпионатам по футболу» (football cups) находится на таком же «ценовом» уровне. Хотя для каждого названия существует идеально подходящее французское слово. Франкоговорящие канадцы, которые систематически выявляют неоправданные англицизмы, хорошо знают об этом.

Таким образом, мягкий язык способствует обеднению национальных языков и культур, сокращению их разнообразия (по оценкам, почти половина из 5000 существующих языков исчезнет к концу столетия), потере автономии и сужению горизонта мышления. Если многоязычность — это благо, то моноязычность — это несчастье, потому что оно убивает поэзию, эстетические эмоции, творчество. Но, может быть, это и является целью? Очень эффективный инструмент пропаганды — четвертая характеристика. Мягкий язык является привилегированным средством коммуникации технократического класса, для которого он служит инструментом пропаганды. Его миссия состоит в продвижении своих стратегий завоевания и сохранения власти. Точно так же, как капитализм игнорирует бесплатные обеды, так и мягкий язык не содержит нейтральных слов. Каждое его слово должно быть эффективным и обладать определенной функцией. Он используется либо для

того, чтобы стереть отношения подчинения, либо для утверждения отношений власти.

Таким образом, благодаря своим бесконечным ресурсам, гибкости и пластичности мягкий язык стремится утвердиться в качестве идеального языка лжи и манипуляций, языка новой формирующейся империи, ПДС (программа долгосрочного стимулирования) нашего времени. Привилегированный язык Добра. Любая ложь, чтобы в нее поверили, должна считаться истиной. Но Истина не навязывает себя. Истинная жизнь гораздо убедительнее, если ее можно связать с Добром. Следовательно, Истина, особенно если она ложна, и Добро связаны как в демократии, так и в диктатуре. Поэтому пропаганда, чтобы быть эффективной, всегда должна вестись во имя Добра. Поэтому любая власть, которая ставит задачу экспансии и доминирования, должна начать с убеждения, что она действует во имя Добра, будь то социальный класс, правительство или компания. Мы даже можем сказать, что цель любой власти, какой бы она ни была, состоит в том, чтобы претендовать на монополию на Добро. Следовательно, Добро не обходится без зла в обоих смыслах этого слова, особенно когда это Добро служит прикрытием для Зла...

Следовательно, притязание на служение Добру — это сизифов труд, который требует длительных непрерывных усилий и значительных затрат, потому что власть должна выглядеть по возможности безупречно. Она должна грести не только по течению, на будущее, чтобы оправдать свои сомнительные действия, но и против течения, в прошлое, чтобы обелить свой имидж и переписать историю, если это необходимо. Возьмем, к примеру, концентрационные лагеря и массовые депортации. Большинство людей считают, что концлагеря были созданы нацистами или Сталиным для правых либералов. Но это не так. Первые концлагеря изобрели британцы во время англо-бурской войны в Южной Африке в 1899 году. Нацисты же адаптировали эту модель в 1933 году, когда открыли первый лагерь в Дахау, прежде чем превратить его в лагерь уничтожения, в то время как сталинизм превратил его в метод экономической эксплуатации, в ГУЛАГ, в обширную сеть лагерей

принудительного труда, в которые ссылались все враги режима, реальные или предполагаемые. То же касается массовых депортаций и геноцида. Мы знаем из учебников, что Сталин придумал массовые депортации, а турки предположительно осуществили первый геноцид против армян путем этнической чистки территории. Но это тоже не так. Первые массовые депортации и первые геноцидные этнические чистки прошли в Соединенных Штатах в 1830-х годах, чтобы вытеснить и уничтожить путем голода, алкоголя и болезней почти все индейские народы, населявшие страну. Североамериканский континент... Как бы то ни было, мы видим, что у диктатур нет монополии на Зло, как и у демократий нет монополии на Добро...

Все то означает, что мягкий язык — это язык Добра. С помощью магии эвфемизма он все сглаживает, стирает шероховатости, гасит сопротивление и споры. Он светский, мультикультурный, открытый, без границ. Он также соединяет, выражает сокровенные мысли, позволяет общаться душам. Как сказал бы Эммануэль Макрон, «у него есть свои понтифики, верховные жрицы, энтузиасты и поклонники, свои приверженцы и фанатики». Свобода, демократия, права человека, терпимость, уважение, совместная жизнь, свободный рынок — все это высшее проявление Добра во всех его формах, как в древних религиях, без различия расы, религии или класса. Уже в 1991 году язвительный Филипп Мюре догадался, что под пеной всепобеждающего иренизма французы в процессе использования мягкого языка начинают поддаваться и поклоняться жутким идолам. «Империя Добра распространяет свои щупальца повсюду: власть хорошей идеи и ложной инаковости продолжает расти, диктатура притворства и тирания доброжелательности начинают расти, отравляя нам жизнь», — предупредил он. Семь лет спустя в предисловии к новому изданию своей книги он с насмешкой и раздражением отметил, что «добро стало еще хуже». Он покинул этот мир в 2006 году, а сегодня пришел бы в ужас, увидев, до какой степени Добро стало тоталитарным. Поэтому его творят во имя Бога, Свободы, Справедливости, Демократии, Прав человека и Ответственности, чтобы защитить то, во что мы

вторгаемся, подвергаемое бомбардировкам ни в чем не повинное население и обреченных на смерть еретиков, которые имеют несчастье сомневаться. Миллионы жертв войн в Персидском заливе, Афганистане, Сирии и Йемене больше не могут свидетельствовать, их свели до состояния «сопутствующих потерь», прежде чем приговорили к голодной смерти с помощью беспощадных экономических санкций. Те, кто живет под гнетом одиозных «автократических режимов», могут умереть, а нам повезло, что нами правят демократические правительства, уважающие верховенство закона.

Кто они, воюющие стороны, которых мы поддерживаем? Они доблестные «борцы за свободу», которые борются за справедливость и свободу женщин. Кто они, воюющие стороны, которые поддерживают «их», злых русских и иранцев? Это кровожадные убийцы, которые без колебаний нарушают Женевские конвенции, применяя химическое оружие. А безжалостные экономические войны, которые мы ведем против непокорных народов — кубинцев, венесуэльцев, палестинцев? Это всего лишь «санкции», как бы наказывающие непослушных школьников. Все в порядке. На внутреннем фронте мы будем декларировать, что война против Covid-19 была объявлена для нашего блага, во имя здоровья. Хотя это плохо с точки зрения свобод и обанкротившихся владельцев ресторанов. Закрытие фабрик также идет во благо рабочим, потому что можно говорить о повышении «конкурентоспособности». А если дивиденды акционеров и зарплаты больших боссов стремительно растут, то это лишь для того, чтобы их удача лучше «просачивалась» беднейшим. Однако в Библии нас предупреждали, что удача привлекает внимание мужчин и женщин к опасной силе слов. Книга Бытия открывается ошеломляющим прозрением: «Слово стало плотью», — говорится в ней, и допускается, что только одни слова могут породить реальность. Без Слова нет Творения. Без слов нет реальности или, во всяком случае, нет реальности, доступной для восприятия.

В Книге Бытия Адам и Ева изгнаны из земного рая за то, что они сорвали запретный плод с Древа познания добра и зла. Бог прекрасно знал, что делает,

запрещая им прикасаться к Древу высшего познания. Не из-за Зла, которое может постичь каждое сознательное человеческое существо, а из-за Добра, которое при неправильном использовании может принести гораздо больше вреда, чем Зло. Таким образом, страсть к Добру готова подчинить себе всю планету, от дебрей сибирских лесов до сердца джунглей Борнео. Все поражены этой яростной доброжелательностью, как богатые, так и бедные, как образованные, так и невежественные, как большинство, так и меньшинства. Ни один народ или отдельный человек не может избежать его топора. Мятежникам, фракциям, непокорным, непослушным, еретикам сразу ставят клеймо, поносят их, подвергают бомбардировкам, отправляют их на суд общественного мнения для немедленной казни.

Мягкий язык превосходно служит делу Добра с тех пор, как он усовершенствовал свой лексикон. Кто сегодня на Западе осмелится выступить против Свободы (самых богатых), Прав (самых сильнейших), Ответственности (самых приспособленных)? Эти абсолютные истины не подлежат обсуждению, хотя они ставят своих слуг над законом, вне досягаемости критиков и ответственности. Преимущество Добра в том, что оно не подлежит обсуждению и не поддается измерению. Кто может оспорить сумму, которая выделяется на гуманитарную «интервенцию», государственную политику, передислокацию заводов? Мягкий язык, превознося Добро, позволяет прежде всего отказаться от понятия общего блага и уклониться от утомительных дискуссий о том, каким оно должно быть. Превознося добро выше общего блага, мягкий язык стал языком нового культа, который хуже старого.

Язык технократической религии

Поэтому мягкий язык является жаргоном новой жреческой касты. Он распространяет догмы «брахманов» экономики, политики, науки и средств массовой информации. Это не язык поэтов и писателей и не язык рабочих и крестьян. Это язык руководителей компаний, экономистов, юристов, ученых, журналистов, пиарщиков, ученых и экспертов, специализирующихся во всех

областях деятельности. Это ни в коем случае не язык знаний — это язык ноу-хау. Наполненный добрыми чувствами, стереотипами, уловками и устойчивыми выражениями, он не направлен на получение знаний или развитие культуры. Ничего подобного! Это язык власти на службе власти. У него есть свои гуру, которые виртуозно управляются с его концепциями, — Клаус Шваб и Марк Цукерберг; вдохновенные мистики, такие как Илон Маск, как будто сошедший со страниц комиксов 1940-х годов; монахи-солдаты и филантропы Билл Гейтс и Джордж Сорос; лицензированные теологи Бернард-Анри Леви, Матье Рикар и Александр Жольен; постоянные хористы, которые поют «Доброе слово» миллионными тиражами на десятках языков, такие как Джоэль Дикер, Джоан Роулинг или Барак Обама; вдохновенные пророки Юваль Ноа Харари, Джереми Рифкин или Джудит Батлер. Он также может рассчитывать на фанатичных педантов, приверженцев трансгуманизма, готовых имплантировать нано-трансплантаты в мозг в ожидании криогенизации для своего будущего воскрешения, адептов новых «учений» на тему гендерной и расовой дискриминации, одержимых конструированием и деконструированием своей сексуальной и расовой идентичности.

В мире, где используется такой язык, любая попытка диалога столкнется с большими трудностями, поскольку все представители другой культуры будут восприниматься как варвары, которых нужно обратить в новую веру.